

2009 — ВСЕМИРНЫЙ ГОД АСТРОНОМИИ

Только со смертью догмы начинается наука

(Окончание. Начало в №№ 44, 46)

От мифа к истине

Видного историка точных наук XX в. Отто Нейгебауэра однажды спросили, как он оценивает античную легенду о беседе Александра Македонского, ученика Аристотеля, с вавилонскими жрецами, которые уверяли «Завоевателя Полумира», что их предки начали наблюдать Небо 31 тысячу лет назад. Высокий авторитет воскликнул с уверенностью: «О том не может быть и речи!»

О. Нейгебауэр, имея он на то досуг и желание, мог бы, продолжая опровергать того же порядка «исторические бредни», высказаться куда пространнее и язвительнее. Допустим, так: утверждать подобное — это всё равно, что уверовать во мнение Диодора Сицилийского о наблюдениях солнечных затмений в Месопотамии (Двуречье) 173 тысячи лет назад, в убежденность великого греческого астронома и математика Гиппарха в том, что астрономия зародилась 270 тысяч лет назад; воспринимать всерьез мнение Цицерона о начале становления этой науки 470 тысяч лет назад или поверить в фантазию астронома античных времен Эпигена. Он-то предлагал отодвинуть эту границу к 720-ти тысячам лет назад (знать бы ему, Гиппарху и Цицерону, что жил тогда на Земле обезьянообразный питекантроп!). Впрочем, даже знаменитый французский астроном, космолог, математик и физик XVIII в. Пьер-Симон Лаплас не удержался от рискованного заявления. Он, изучив изображения созвездий на потолочной плите древнеегипетского храма Дендера, доставленной Наполеоном из разгромленного им Египта в Париж, позволил себе недопустимое для академика вольность — объявил об «изобретении человеком зодиака» 15 тысяч лет назад!

Если все же отойти от крайностей античных хронографов и принять за достоверные самые близкие современности даты — 31-е или 15-е тысячелетия и объявить их пороговыми для времени, когда будто бы случилось «изобретение астрономии» первыми Ното сарипс Земли, то станет ясно, что факты подтверждения такого мнения нужно отыскивать в культурах древнекаменного века.

Астроархеология — наука, рожденная в муках

В истории начала изучения древностей России в XIX в. особо впечатляют два события:

I — открытие осенью 1871 г. политическими ссыльными И.Д. Черским и А.Л. Чекановским в предместье Иркутска первого в Сибири (и стране в целом) стойбища охотников древнекаменного века;

II — обнаружение немногим позже профессиональным археологом князем Павлом Арсеньевичем Путятиним на стоянке каменного века Бологое шиферной пластины, «украшенной» загадочным «узором». В нем он, осведомленный в астрономии и ее истории, распознал карту приполярных созвездий — Большой Медведицы, Волопаса, Гончих Псов и Дракона, обозначенных разбросом окружающих углублений, символов звезд.

Оба открытия связала одна горькая судьба — неприятие их ученым миром и долгое забвение. Но если прибайкальская находка была все же востребована через полвека сомнений, то «Карта Неба окрестностей Полярной звезды» П.А. Путятин в вот уже столетие с четвертью продолжает нести бремя неприятия. Специалисты либо напрочь забыли шиферную пластину или, хуже того, считают, что она не достойна памяти вследствие очевидной несуразности предложенной князем астральной интерпретации «ямочного узора». Ведь нет, пожалуй, в традиционной археологии даже современной либеральной России железобетоннее догмы, чем убеждение в том, что люди архаических обществ не удостоивали внимания небесные светила.

П.А. Путятин сообщил о своей уникальной находке 18 марта 1886 г. членом Отделения Русской и Славянской археологии Императорского Русского Археологического общества. Он озадачил слушателей сразу же, объявив тему доклада: «Из области астрономической археологии. Изображение созвездия Большой Медведицы на точилке каменного периода России». Удивил и привел в крайнее замешательство потому, что люди каменного века представлялись археологам XIX в. существами убогого мышления, неосведомленными о богах, погрязшими в дикарском уровне бытия и хозяйствования. Но изложенное на заседании утверждало иное — предок, видите ли, смотрел на Небо, заметил в просторах его светящиеся точки, звезды, удосужился сгруппировать их и, судя по всему, обратил внимание на Полярную звезду, вокруг которой в течение ночи обращаются все звезды Севера. То было свидетельство отхода древнего человека от обыденностей земной жизни, доказательство космической шири его кругозора, сложности мировоз-

зрения и силы интеллекта, обретения им в столь древние времена некоего объема естественно-научных знаний. Из того можно было сделать вывод о том, что именно ему принадлежит честькладки фундамента протонауки, а с нею, быть может, и формулирования первых канонов астральной прото-религии.

Поскольку речь шла о неведомой культуре каменного века, памятники которой располагались не в ближайшем соседстве с регионами древнейших цивилизаций долин Нила, Тигра и Евфрата, Ганга или Хуанхэ, а в пошехонском, полном топиках болот захолустье севера европейской России, то стоит ли удивляться, что мнение П.А. Путятин о наблюдениях созвездий дикарем-предком не удостоилось серьезного обсуждения. От завистливого (и в том, прошу прощения, подлового) ученого мира не ускользнуло и не терпимое для начальственных представителей его обстоятельство: подозрение на претензию князя учредить новую отрасль науки о древностих — астрономическую (по другой, его же версии — космическую) археологию, что прямо следовало из названия доклада. Вот почему не стоит недоумевать, что до сих пор остается неопубликованной рукопись П.А. Путятин — расширенный до целой книги доклад о карте приполярных созвездий с редкой ценностью сопоставительными материалами по археологии, наблюдательной астрономии, астрологии, мифологии и даже медицине, извлеченными автором из исторических сочинений, изданных на десяти языках, далеко не каждому доступных.

Расстроенного П.А. Путятин мог утешить лишь благожелательный ответ на его письмо из Парижа личности, известной всем любителям небесной науки той поры — Н.К. Фламариону. В 1885 г. выдающийся историк астрономии и блестящий популяризатор ее высоко оценил открытие князя во французском журнале «L'Astronomie». На страницах его были представлены и упомянутое письмо П.А. Путятин, и ответ на него Н.К. Фламариона под знаменательным заголовком, утверждающим приоритет русского археолога в открытии новой науки о первобытности — «Archeologie Astronomique». В этой теперь исторически высоко значимой заметке были знаменательные строки: «Трудно в достойной мере возблагодарить тех исследователей, которые, разыскивая следы прошедших веков, делают их известными науке, ибо, обретая известность, такие изыскания вносят вклад в общий поступательный ход человековедения».

«Сквозь тернии — к звездам!»

Археологи — «человековеды отошедших веков и тысячелетий». Но не странно ли, что именно они вот уже более ста лет насмешливо компрометируют изыскания той направленности, которой Н.К. Фламарион воздал восторженную хвалу. Можно подумать, что они пылают ревностью к новой науке, которая, как им, видимо, представляется, отвлекает любопытствующую публику от открытий науки старой, традиционной направленности изысканий, ориентированных на изучение материальных, а не интеллектуальных ценностей.

Как бы то ни было, но адепты ее не восприняли всерьез и результаты изысканий археолога и геолога Марселя Бодуэна, видного исследователя первобытности — учредителя Общества доистории Франции и генерального его секретаря. Престижу одного из лидеров изучения древностей страны первых двух десятилетий XX в. стал рассеиваться, как только начали одна за другой появляться статьи, посвященные астрономическим аспектам разного вида археологических памятников и расшифровке знаково-образных композиций на поверхностях камней времени неолита, бронзы и железа. М. Бодуэн, в точности как П.А. Путятин за четверть века до него, воспринял выписанные лунками фигуры изображениями созвездий приполярной зоны Неба — Большой и Малой Медведицы, а также зодиакальных Плеяд, звездных вестников равноденственного дня весны и осени, особо популярных в астрономии античной поры. Едва ли не признаком ученого помешательства стал для его коллег выход в свет в Париже в 1926 г. обобщающего труда М. Бодуэна «La Prehistoire par les étoiles. Un Chronometre Prehistorique». Этот «взгляд на доисторию через звезды» позволил ему усмотреть незамеченное другими — наличие в религиозной идеологии предков звездно-солнечного культа.

Самое крамольное, однако, заключалось в попытке М. Бодуэна доказать, используя объекты искусства малых форм древнекаменного века, что истоки такой религии, основанной на протонаучных знаниях, восходят к ледниковой эпохе. Какой силы кипения страстей вызвал столь дерзостный вывод, можно судить лишь косвенно, по реплике на первой странице книги, которой предстояло из-

за того более полувека оставаться невогребованной «человековедами от археологии»: «Я вижу это явление [древний звездно-солнечный культ] лишь потому, что не принадлежу ни к какой официальной школе. Я, практик, историк и геолог, обладаю абсолютной свободой духа и потому веду исследование всех неведомых следов, оставленных поколениями жрецов и колдунов, без предвзятых мнений».

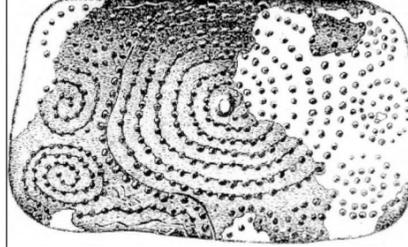
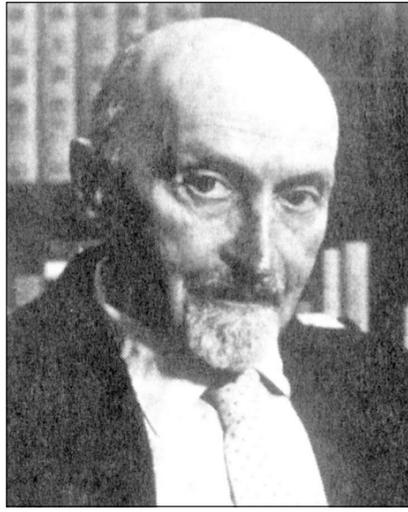
В этом переполненном эмоциями пассаже легко просматривается ответ М. Бодуэна критикам по главной в науке проблеме — предоставления ученому свободы осмысления фактов без оглядки на принятые авторитетами установки. К одной из таковых он относил неприятие первобытниками Европы главной идеи зарождающейся астроархеологии — глубокой древности появления у людей интереса к Небу и светилам, что предопределило становление в архаических сообществах первой в истории человечества религиозной системы — звездно-солнечного культа. М. Бодуэну не удалось завершить разработку концепции звездно-солнечной религии как исходной в культурах первобытности древнекаменного века. Его, в частности, озадачивало отсутствие в источниках указаний на внимание служителей культов «доцивилизированной эпохи» к Луне — второму (после Солнца) великому космическому божеству. В этой связи он высказал убеждение в том, что свидетельства существования лунных культов остаются незамеченными.

Что так оно в действительности и было, подтвердили в 30-е годы XX в. исследования Карла Хентце, выдающегося историка культур и искусства Китая, а также соседних с ним регионов Азии, в том числе Сибири. По его мнению, именно лунарные мифы составляют там центральное звено архаических мировоззренческих систем. Эта идея проходит через все творчество К. Хентце, проявляясь в его анализе предметов искусства от древнекаменного века до первых цивилизаций. Важно при этом заметить, что лунарная проблематика тесно увязывалась им с календарным аспектом. В капитальной монографии «Myths et Symboles Lunaires» он обобщил огромный фактический материал народов Евразии и Америки и предпринял попытку установить связь изображений с календарем посредством подсчета структурных элементов композиций.

В этой связи фундаментальную значимость приобрела оценка К. Хентце палеолитического объекта искусства, «украшенного» спиралями — пластины из бивня мамонта, обнаруженной в 1929 г. М.М. Герасимовым при раскопках Мальты, стойбища древнекаменного века (Прибайкалье, долина р. Белой, притока Ангары; датировка — 20-24 тысяч лет от наших дней). К. Хентце оценил открытие сибирского археолога как имеющее «основополагающее значение для исторической науки». Анализ информационных структур спиралей, составленных из миниатюрных купул, он начал с того, что отклонил мысли о возможности восприятия таких углублений в качестве простых звеньев орнамента и отсутствия в «узоре» смысловых нагрузок. Примечательно, что К. Хентце в связи с этим обратил внимание на то, что именно такого рода «кружки», но несравненно большего размера, зафиксированы археологами на поверхностях плит и т.н. «каменных бабах» всё той же Сибири. Эти «идолы», по его мнению, «несомненно, лунного значения», не случайно покрывались кружками с точкой в центре или «концентрическими кругами», поскольку в таких элементах «их астрономический смысл выступает со всей очевидностью». Размышляя о семантике кружков, К. Хентце сделал исключительно важный с методической точки зрения шаг, когда предположил связь с ними каких-то астральных расчетов, характеризующих дни лунного месяца. Купулы, ювелирно высверленные на поверхности мальтинской пластины, представляли собой, заключал он, лунные знаки.

В целом он оценил мальтинскую пластину как ритуальное изделие, связанное с лунной символикой. Анализ возможной семантики всех «орнаментальных элементов», запечатленных на обеих сторонах мальтинской пластины, позволил ему прийти к выводу, который оставался до конца XX века в забвении: «по нашему мнению, это лунный идол». Простые и двойные спирали, а также змеи, связанные с образом его, отражают, полагал К. Хентце, идею полного цикла эволюции фазного светила, т.е. непрерывно повторяемого процесса роста и убывания, а затем снова роста диска Луны.

В конце прошлого века удалось с должной точностью подтвердить эту великую идею. Как выяснилось, числовая знаковая система мальтинской пластины позволяет и теперь считывать время по Луне в течение года, а затем выравнивать лунный ход времени с солнечным. Так Сибирь вошла в зону, где истоки астрономии и календаристики проявились в эпохи настолько древние, что

ранее на отстаивание такого утверждения могли дерзнуть лишь те, кто не опасался положения на себя клейма несусветного фантазера. В этой связи возникает закономерный вопрос — а есть ли у астроархеологов достоверные факты, которые позволяют представить, как в реальности вели наблюдения за светилами древние астрономы?

Памятники такие открыты в Сибири. Но это сюжет для другого рассказа.

В.Е. Ларичев, доктор исторических наук, главный научный сотрудник сектора археологической теории и информатики Института археологии и этнографии СО РАН
На иллюстрациях:
— П.А. Путятин;
— М. Бодуэн;
— К. Хентце;
— Мальтинская пластина.